

НАРРАТИВНОСТЬ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Статья подготовлена
при поддержке РФФИ,
грант №03-06-80361

Василий Николаевич Сыров —
доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой онтологии,
теории познания и социальной философии
философского факультета
Томского государственного университета

Что связывает или может связать эти две сферы исследовательского, мировоззренческого и, наконец, практического интереса? Для начала обратимся к высказываниям, на наш взгляд, примечательным. Гайден Уайт, описывая процедуру «осюжечивания» или придания целостности и связности совокупности исторических свидетельств посредством применения таких архетипических схем, как Романы, Трагедии, Комедии, Сатиры, так отвечал на вопрос о ее смысле или значении: «...Способ, каким мы придаем смысл списку событий, которые предстают странными, загадочными, таинственными в их непосредственном проявлении, состоит в кодировании списка в терминах категорий культуры, таких как метафизические концепты, религиозные верования, формы повествований. Суть этого кодирования состоит в превращении неизвестного в известное, и в целом это и есть путь историографии, чьи «объекты» всегда непосредственно странны, если не сказать, экзотичны, просто из-за их дистанцированности от нас во времени и их укорененности в таких способах жизни, которые отличны от нашего собственного» [1. 49]. Иначе говоря, смысл осюжечивания по Уайту заключается не в украшении сухого протокола событий, а в обеспечении понимания их сути.

Другим, столь же примечательным, является суждение Ричарда Рорти о роли литературы (в данном случае литературы в самом широком смысле слова: от философской и научной до художественной). Одни книги помогают нам стать автономными, другие — быть менее жестокими [2. 181]. При этом, продолжает Рорти, среди книг второго рода «наиболее полезными оказываются произведения художественной литературы, в которых показывается слепота одних к боли других» [2. 181–182]. И опять-таки, дело не в том, что есть различие между подлинным предназначением литературы, суть которого в формировании эстетического вкуса, и ее использованием для решения со-

циальных и моральных задач. Дело в том, что «нельзя создать запоминающийся характер, не делая тем самым предположения о том, как следовало бы поступить читателю» [2. 214]. Воспользуемся этими идеями как путеводной нитью в определении связи между нарративностью и толерантностью.

Если мы затрагиваем вопрос о толерантности, то должны подчеркнуть тот момент, что актуализация данной темы связана не только и не столько с насущными социально-политическими интересами современности или общим ростом гуманизма. Даже если это так, то в их основе лежит радикальное изменение нашего горизонта видения сложившегося положения дел, которое, в свою очередь, обусловлено столь же радикальной ломкой нашей философской парадигмы. Ведь толерантность предполагает принципиальное признание правомерности позиции Другого и столь же принципиальную невозможность устранения инаковости Другого. Последовательное проведение этой идеи означает, что нет и невозможна точка отсчета, которая превосходила бы наши различия и знаменовала собой их диалектический синтез. Речь, конечно, идет о философском (теоретическом) уровне осмысления проблематики, а не о практике, где насилие, манипуляция и перепрограммирование чужого сознания остаются повсеместным явлением.

Можно сказать, что в основе актуализации темы толерантности лежит разрушение классических философских программ и переход к постмодернистским установкам. Постмодерн, как показатель современной эпохи, обвиняют в пропаганде субъективизма, релятивизма и во множестве прочих грехов. Но, в чем его нельзя упрекнуть, так это в отрицании толерантности. Более того, для современной философии идея толерантности становится не просто способом построения человеческих взаимоотношений, а принципом философствования в целом, контекстом, рамкой, парадигмой обсуждения любых вопросов. Поэтому она не только предоставляет идейные основы новым (и не только социальным) практикам, а предназначена эти практики производить.

Почему так? Все дело в радиальном отказе от притязаний классической метафизики на поиск и обоснование абсолютных знаний и ценностей. Понятно, что жажда абсолютных и провозглашение гуманизма и терпимости по отношению к Иному плохо согласуются друг с другом. В таком контексте толерантность сохраняет свое значение только на уровне средств, когда считается неприличным применять насилие с целью просвещения тех, кто еще не обрел истину или не обладает для этого достаточными способностями. Но это не меняет существа дела: если возможна истина в последней инстанции, то все остальное отбрасывается на уровень мнения и обрекается на второсортное бытие. Соответственно, благородное желание обрести и распространить такую истину оборачивается тоталитаризмом, подавлением различий, насилием, нетерпимостью.

В противовес классической метафизике постмодерн провозглашает отказ от метанарративов или всеобъемлющих концепций, притязающих на произнесение последних и окончательных слов по тому или иному вопросу. Этот отказ следует понимать радикально, а именно как признание невозможности вынесения окончательного приговора не только по поводу сущности мира, но и по любому локальному вопросу. Поэтому отрицание всяких претензий на господство и тотальность фундируется не просто распространением гуманизма, а дискредитацией онтологии, позволяющей эти претензии обосновать. Это же дает начало формированию онтологии (если постмодерн сохраняет право этот термин употреблять) толерантности, поскольку отсутствие окончательных аргументов в пользу одной позиции предполагает признание правомерности существования иной. Здесь лежат истоки постмодернистской чувствительности и специфики ее критического пафоса. Суть его в последовательно проводимой экспертизе унаследованного культурного багажа с целью выявления возможных явных или скрытых претензий на господство.

Но общий критический дух и разработка процедур рассеивания существующих тотальностей отнюдь не являются сущностью современной эпохи. Ведь ниспровержение старых миров либо создает пустоту, которую следует чем-то заполнить, либо производит и множит различия и разнообразия. Поэтому постмодернистский настрой может стать источником не только разрушительного, но и созидательного начала. Речь идет о выработке таких форм знания, таких ценностей и таких форм жизни в целом, которые были бы адекватны сложившемуся после кризиса классики пониманию человеческих границ и возможностей. Тогда толерантность становится стратегией существования в мире различий, причем в мире, где они ценятся и потому не только сохраняются, но и множатся. Более того, последовательное проведение принципов современного философствования должно привести к тому, что терпимость превращается не только в их неизбежное следствие, но и в контекст обсуждения и реализации любых принципов.

Эффективное функционирование данного контекста, в свою очередь, требует тщательного очищения идеи толерантности от наслоений предшествующей философской традиции. Прежде всего, нетрудно заметить, что терпимость не тождественна благодушному отношению ко всему инаковому по отношению к нам. И здесь должна иметь место селекция многообразия. Правда, основа ее должна быть иной и, конечно, осуществляться не по принципу близости к абсолютной истине или к нашим ценностям и идеалам. Последовательное проведение данной идеи, как ни парадоксально, предполагает нетерпимость к тем позициям, что отрицают инаковость Другого и правомерность такой инаковости. Поэтому, с одной стороны, толерантность отнюдь не означает невмешательства в дела другого или пассивности. Необходимы, как минимум, понимание своей позиции и позиции Другого, а также возможная их трансформация, чтобы различие не стиралось в пользу той или иной стороны. А с другой стороны, такой подход предполагает известную степень чуждости Другого и осознание ее принципиальной неустраиваемости.

Толерантность заключается не просто в пони-

мании Другого, а в его принятии, признании, оправдании. Ведь понять еще не означает принять. Но как возможно признать то, что по существу чуждо нам, а тем более вызывает страх или усмешку, ощущение опасности или брезгливости? Каким путем можно признать то, что по своей сути недоказуемо и неопровержимо рассуждением и ссылками на факты? Очевидно, что способы реализации толерантности — это не просто техническая проблема. Невозможно стать терпимым, не овладев языком терпимости, языком, который конституирует ее как таковую. Последнее означает, что именно способ представления Другого должен задать и способ отношения к нему.

Этот тезис позволяет нам перейти к теме нарративности и определить характер ее связи с темой толерантности. Как отмечает один из современных авторов: «Нарративы подобно «великим» или «мета» концептам, таким, как язык или разум, перестают светить отраженным светом специфических дисциплинарных, институциональных или методологических сфер и сами становятся источником всеозаряющего воздействия. Рассказ — это уже не вещь в свете прожектора, а лампа, благодаря которой видятся вещи» [3. 62]. Иначе говоря, нарратив становится не следствием, а причиной. Актуализация данной темы не случайна. Ведь нарратив стал своеобразной квинтэссенцией двух радикальных поворотов, свершенных европейской философской мыслью 20 в. Это обращение к теме времени и пресловутый «лингвистический поворот».

Если обратиться к первому повороту, то следует отметить, что открытие темпоральности заключается, конечно, не в назойливом напоминании о конечности человеческого бытия. Наоборот, оперирование концептом времени позволяет придать нашим исследованиям и действиям особую продуктивность. Состоит она в том, что мы трактуем время как структуру, которая на глубинном, часто неосознаваемом, уровне лежит в основе любых продуктов человеческой активности и, более того, выступает условием, принципом, способом их производства. Тем самым, в свете критики философской метафизики и отказа от «метанарративов», выявление конструктивной роли времени становится выражением отчетливого осознания наших границ и возможностей.

То же самое касается и лингвистического поворота. Дело, конечно, не в том, что для нас открылась еще одна сфера исследования в ряду многих других. Тогда речь шла бы лишь о развитии лингвистики как науки среди многих. Но, как подчеркивал М. Фуко: «... лингвистика отваживается взять на себя куда более ответственную роль... Она не является лишь теоретическим пересмотром знаний, полученных где-то в других местах, или интерпретацией уже осуществленного прочтения явлений; она не предлагает «лингвистической версии» фактов, наблюдаемых в гуманитарных науках, но она является принципом их первоначальной расшифровки...» [4. 399]. Это означает, что принципы изучения и производства знаковых систем мы можем рассматривать как способы существования и производства самой действительности.

Принципиальный тезис заключается в том, что нарратив предстает синтезом этих столь влиятельных и примечательных исследовательских стратегий, поскольку представляет собой темпорально организованное повествование. Но это обстоятель-

ство позволяет нам проводить параллели с темой толерантности. Первая основывается на том, что обе они являются следствием отказа от базисных установок классического европейского философствования. Очевидно, что в контексте метафизики терпимость к другому была лишь средством обращения его к истине и оправдывалась лишь моральными ограничениями. Столь же очевидно, что как временность, так и знаковость, в том же контексте оставались лишь формой, внешним проявлением, поверхностью обзором сущностей, подлинная природа которых имела вневременной и внезнаковый характер. Тем самым, поворот к толерантности и нарративности знаменуют собой поиск новых исследовательских стратегий и социальных практик, отражающих радикальное осознание своих границ и возможностей и выражающих желание быть последовательными в таком осознании и признании.

Возможность провести вторую параллель предоставляют рассуждения Ж.-Ф. Лиотара о способах легитимации знания в его знаменитой работе «Состояние постмодерна». Как известно, обсуждение проблемы легитимации знания в современных обществах подталкивает его к анализу соответствующего потенциала знания, которое он называет нарративным. Дело в том, как подчеркивает Лиотар, «...под термином «знание» понимается не только совокупность денотативных высказываний (хотя, конечно, и она); сюда примешиваются и представления о самых разных умениях: делать, жить, слушать и т.п. Речь, следовательно, идет о компетенции, которая выходит за рамки определения и применения истины как единственного критерия, но помимо этого оценивается по критериям деловым (техническая квалификация), справедливости и/или добра (нравственная мудрость), красоты звучания, окраски (аудио и визуальная чувствительность) и т.д.» [5. 52]. Нарративная форма, продолжает он, является одним из наиболее эффективных способов реализации такой компетентности.

Продолжая данную мысль, можно отметить, что нарратив выступает не просто формой, которая привносится извне к чуждому ей содержанию с прагматическими целями или архаическими установками. Нарратив есть способ производства знания. Дело в том, что не все сферы познания могут руководствоваться отсылкой к референту при доказательстве истинности своих утверждений. Достаточно указать на историческое познание, где определение достоверности происшедшего достигается помещением в контекст того, что было до — и после него. Поэтому схватывание событий (да и иных объектов) в единое целое, «извлечение конфигурации из последовательности», говоря словами П. Рикера и Л. Минка [6.278; 35-41], организация в повествование становятся способом формирования знания, которое мы признаем в качестве достоверного. Мысль можно продолжить. Ведь в сфере истории, особенно, речь идет не просто о применении идеи целого для определения места и значения части (что в рамках сложившейся традиции правомернее называть пониманием), но о приемлемом истолковании чуждых нам голосов. А тогда нам нужны не любые принципы полагания целостностей, а те, что в рамках нашей культурной традиции обеспечивают нам превращение «чужого» в «свое». И достигается оно не проведением аналогий с современностью, а приданием

всему непонятному и кажущемуся бессмысленным такого облика, который обеспечивает его осмысленность и понятность нам. А что есть такое понимание, как не признание своеобразной разумности, правомерности, оправданности чужого образа жизни? Данный тезис объясняет, тем самым, значение приведенного в начале статьи высказывания Уайта и приближает нас к определению более глубинных связей толерантности и нарративности. Нарратив предстает способом понимания Другого в его инаковости, а значит, и средством формирования терпимости к такой инаковости.

Но можно сделать и более радикальный шаг. В данном контексте разумность другого образа жизни означает пока лишь понимание того, что она есть и почему она такова. Нарратив как целостное и заверщенное повествование с началом, кульминацией и финалом обеспечивает нам ответы на вопросы «Что?» и «Почему?». Однако терпимость предполагает не просто понимание, но и признание правомерности инаковости Другого. Где основания для такого шага? Они лежат в специфике социального и культурного бытия. Суть в том, что культурные ценности и формы социальной жизни являются продуктами творческого воображения и поэтому не могут сослаться в своем обосновании и оправдании на внеположенный им референт в лице фактов, экспериментов или отсылок к полезности. Но тогда остается единственный путь их принятия — связь с нашими переживаниями, эмоциями, желаниями. Иначе говоря, предмет становится приемлемым для нас, когда он может воздействовать на наши чувства, произвести впечатление, вызвать состояние страдания или удовольствия. И дело не в примитивности рядового человека или неспособности разума господствовать над чувствами, а в особенностях самого способа бытия культурных и социальных форм.

Тогда становится понятным, почему понимание и признание чужих голосов осуществляется посредством придания им облика романа, комедии, трагедии. Это схемы, которые обеспечивают переживание. И опять-таки: переживание — это не средство, которое присоединяется к пониманию или параллельно ему. Эмоциональное состояние, вызванное воздействием нарративно организованного объекта, лежит в фундаменте его понимания и легитимации. В некотором смысле генеалогически все «свое» когда-то было «чужим» и приобрело привычный нам облик только тогда, когда нашло соответствующие ресурсы. Нарратив, как захватывающе рассказанная история (рикеровская интрига), предстает тем самым универсальным посредником между теми, в ком нет согласия по поводу истолкования тех или иных событий, ситуаций, ценностей, обычаев и т.д. Воздействуя на наши чувства, он заставляет нас изменить свое отношение к тем или иным сферам бытия, позволяет увидеть их в ином свете. И наоборот. Именно нарративность, и только, она обладает во всей полноте такой способностью. Вот почему можно говорить о том, что все возможные обоснования нарратив содержит в себе: самой своей целостностью и завершенностью он обеспечивает понимание, так сказать, из самого себя и, благодаря характеру своей конфигурации, производит эффект соблазна.

Таким образом, нарративность становится наиболее эффективным способом реализации толерантности, осуществляя ее посредством своеобраз-

ного кругового движения. Чтобы инаковость Другого могла стать объектом интереса и понимания, она должна вызвать у нас эмоциональное состояние. В некотором смысле она должна приобрести облик метафоры или необычного сочетания обычных вещей. Как продолжает Уайт, «единственный инструмент, который используется для наделения данных смыслом, для превращения странного в знакомое... — это техники фигуративного языка» [1. 56]. Кодирование позволяет превратить чужое в свое, осуждение как фактически расширенная метафора «говорит нам, в каком направлении следует думать о событиях и заряжать нашу мысль о них различными эмоциональными зарядами» [1. 52]. А точнее, создание эмоционального потрясения посредством нарративизации становится толчком к осуществлению последующего понимания или расшифровке смысла метафоры. При этом именно эффект метафоры позволяет подтолкнуть не просто к пониманию, но к сохранению понимания Другого в его инаковости. Круг завершается тем, что в реализации толерантности понимание тоже является лишь средством. Ведь наша задача состоит не в том, чтобы понять, но и признать инаковость Другого. А это возвращает нас к идеям Рорти о роли литературы. Чужое становится своим, когда мы видим в нем то же, что есть у нас. И дело здесь не в поиске сходства обычаев и традиций, а в очеловечивании Чужого. Когда мы находим в себе силы сделать боли и радости других частью своего Я, сопережить переживаниям других, тогда мы уже не сможем быть теми, кем были до этого. А осуществление подобного преобразование нашего мировосприятия способна лишь литература.

Каков же итог? Мы уже отмечали, что нарратив является не просто формой, внешней по отношению к содержанию и порожденной потребностями, столь же внешними по отношению к нему. Нарратив конституирует само это содержание, и причина этого, как мы видим, лежит в характере наших границ и возможностей. Но тогда можно говорить о том, что нарратив конституирует и толерантность как таковую. Ведь, как сказал Рикер, мир не выражает себя через дискурс, а появляется благодаря ему [6. 133]. Итак, отношения между

нарративностью и толерантностью оказываются взаимообусловленными. Если мы ставим вопрос: о чем могут и должны быть наши рассказы в постметафизическую эпоху, то толерантность предстает одним из таких ответов. Если мы ставим вопрос: как нам быть толерантными, то нарративность предстает таким ответом.

И наконец. Нетрудно заметить, что к толерантности, в основном, призывают лишь с целью ограничить свои притязания. А зов обращен к тем, кто был слишком уверен в своем превосходстве и пытался навязать свой способ бытия другим. В этом контексте призыв к толерантности остается лишь средством на пути перехода к иным отношениям. Ведь мало терпеть других с их идиосинкразией, надо научиться жить с ними. Поэтому и в толерантности есть еще один аспект. Призыв к терпимости может быть обращен не только к тем, кто демонстрирует свое превосходство, но и к тем, кто боится впустить в себя иное, чтобы не утратить свою идентичность. Привлекательный образ Другого способен выполнить тогда иную роль — открыть богатство возможных идентификаций. В таком контексте толерантность становится не только средством на пути перехода к иным отношениям, а именно отношениям открытости, диалога, взаимообогащения, но и путем к такому переходу. Но тогда и нарративы будут призваны конституировать другие миры и предоставлять иные способы их конфигурации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding. Ed. by R.H. Canary and H. Kozicki. — The University of Wisconsin Press, 1978. — P. 41-62.
2. Рорти П. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество. 1996. — 280 с.
3. Kreiswirth M. Tell Me a story. The narrativist turn in the Human Sciences // Constructive criticism. The Human Sciences in the Age of Theory. Ed. by M. Kreiswirth and T. Carmichael. — Univ. of Toronto press, 1995. — P. 61-87.
4. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб: А-сэд, 1994. — 406 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
6. Ricoeur P. Hermeneutics and the human sciences. Cambridge university press, 1995. — 314 p.; Mink L. O. Historical understanding. Cornell university press, 1987. — 294 p.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ТИП МЕНТАЛЬНОСТИ

М.Ю. Мирошников

Мирошников
Михаил
Юрьевич —
аспирант
Института
философии
и права
УрО РАН.

Под понятием *ментальности* (и менталитета) в современной литературе, как правило, понимают некое коллективное мировосприятие, включающее в себя весь спектр охвата действительности — от мироощущения и мировидения до миропонимания и мировоззрения. Ментальность является основой для оценок всего происходящего, поскольку включает в себя систему ценностей, которыми руководствуются и в повседневной деятельности, и в отношениях с людьми.

Изучение ментальности немислимо без тщательного анализа социальных структур общества. На передний план выступают присущие той или иной социальной группе в тот или иной период истории картины мира, системы ценностей, мировоззрение. Эти системы ценностей могут находиться